

В. В. Горшкова¹

ДИАЛОГ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ И МОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Открытие границ социокультурного пространства России вследствие распада советской системы стимулировало рост возможностей культурного выбора, обусловленный включением в глобальные сети обмена информацией и интеллектуальными ресурсами. Появились готовые модели потребления и культурные образцы не только Запада, но и Востока. Активно возрождались и приспосабливались к современным потребностям и собственным культурно-историческим традициям. В итоге существенно расширилась база культурно ориентированных форм социального опыта, свойственных в советское время представителям небольших групп интеллигенции. Но, в отличие от советского периода, их ядром стали импортные критерии потребления и жизненные стили, обеспечивавшие более комфортное существование личности и микрогруппы.

Такого рода потребности постепенно вызревали уже в недрах советского общества, ибо в ситуации все

увеличивавшегося дефицита товаров, услуг и информации повышение качества жизни нередко превращалось в проблему культурного выбора. Подключение России к глобальному информационному пространству поставило этот выбор в жесткую зависимость от экономического благосостояния человека.

Адаптируясь к условиям российской действительности, известные формы социокультурного опыта претерпевали серьезные модификации. Несмотря на привычную для западных моделей гражданского общества форму, будь то гуманитарные инициативы, благотворительные акции или правозащитные движения, их содержательная сторона оставалась направленной на решение задач выживания и социализации на уровне микросоциума.

Распространившаяся в постперестроечные годы практика прямого заимствования западного опыта ускорила процессы социальной стратификации. Стратификационные сдвиги воплощались в многообразных культурно-интегрированных формах. С этой точки зрения обоснованной представляется

¹ Заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор.

оценка российской социокультурной динамики как движения от моностилистической культуры к полистилистической. Основным признаком последней является отсутствие четкой целеориентированности в ходе возникновения и развития новых культурных образцов и стилей. Это неотъемлемая черта модернизации в условиях глобализации.

В результате современное социокультурное пространство остается неоднородным и крайне противоречивым. Оно распадается на отчетливо выраженные субкультурные ареалы, среди которых можно выделить несколько базовых: «средний класс», «новые русские», «новые бедные», маргиналы, криминалитет, альтернативные молодежные субкультуры. Их представители ориентируются на различные культурные модели и стратегии жизненного выбора. В качестве принципа стратификации российского общества в ряде социологических исследований предлагается уровень адаптации к проводимым преобразованиям. Однако этот универсальный для переходных систем признак напрямую не соотносится с критериями геополитического выбора элитных групп, задающих приоритеты трансформации.

Под воздействием глобальных процессов трансформирующийся социум распадается на общности разной степени интегрированности в глобальный миропорядок. Это, во-первых, «элитная» группа «включенных» из числа представителей высшего бизнеса, ориентированная на взаимодействие в рамках глобальных сетей обмена информацией и интеллектуальными ресурсами. Далее следуют активные пользователи каналов « сетевого мира », повышающие с их помощью свой профессионализм, благосостояние и статусные позиции. Эти две группы имеют существенный инновационный потенциал, но они малочисленны и пока «привязаны» к крупным городам, корпоративным структурам или сетевым проектам с участием иностранных партнеров. Третью, самую массовую, группу образуют пассивные потребители глобального информационного и масскультурного продукта. И, наконец, в последнем приближении к модернизационным процессам расположен слой социальных маргиналов, отчужденных даже от примитивных моделей глобального потребления.

Хотя процессы социокультурной дифференциации и способствуют формированию жизненных стилей, альтернативных традиционным, подобная динамика отчасти компенсируется устойчивостью институтов, составляющих ядро культуры. Не утратили своего значения системы неформальных связей и механизмы взаимодействия, представляющие институты публичной сферы. Наличие такого своеобразного механизма социокультурной динамики подтверждают результаты кросскультурных исследований. Так, по оценке социологов, проанализировавших уровень распространения коррупционных практик в 85 странах, Россия входит в десятку наиболее коррумпированных государств мира.

О широком распространении в России теневых практик свидетельствуют и отечественные ученые. Вместе с тем некоторые из них полагают, что снисходительность к коррупционно-теневому поведению, поддерживающая такие практики, не означает

их признания; речь идет о рациональном поведении человека с неревOLUTIONной психологией, которое не мешает понимать и осуждать самое явление, несовместимое с модернистской культурой. По данным опроса ВЦИОМ, к носителям модернистской культуры исследователи относят около 70 % россиян. Иными словами, утверждается, что ценности почти 3/4 российского социума противостоят системным устоям власти и сложившейся модели государственного управления. В результате государство и общество фактически разводятся по разные стороны традиционалистских и модернистских ориентаций.

Однако в действительности мы имеем дело скорее с вербальным выбором в пользу модернистских культурных ценностей и потребительских стандартов, который не всегда сопровождается соответствующими изменениями в социальном и политическом поведении, о чем свидетельствуют, как правило, политический эскапизм, конформизм и высокий уровень аполитичности, демонстрируемые сторонниками модернистской культуры. Такие настроения характерны для индивидуализированных обществ, в становление которых глобальные процессы вносят элементы неуправляемости, неподконтрольности, стихийного развития. Вместе с тем значительным остается ареал распространения традиционалистских ценностей, особенно за пределами больших городов, в сельской местности. Нередко и те и другие установки относительно мирно уживаются в одной личности или в микрогруппе, формируя интегрированное сознание.

Поиски устойчивой социокультурной идентичности корректируют систему ценностных предпочтений, формирующуюся в претерпеваемом трансформационном сдвиге социуме под влиянием потребности информационного общества. На уровне обыденного социального опыта происходит усвоение универсальных для западной цивилизации потребительских образцов и жизненных стилей. Идентификация с Западом нацелена на прагматическое использование достижений глобального мира и утверждение в нем места России.

Императивы социокультурной динамики диктуют в качестве стратегической задачи создание возможностей доступа ко всем достижениям мировой культуры, в том числе и самым последним, каждому члену общества, то есть ориентацию на эффективность и конкурентоспособность отдельной личности, на рациональный выбор жизненной стратегии. Но коллективный социальный опыт подталкивает к таким формам включения в сетевой мир, которые находятся в видимом конфликте с сохранением ценностно мотивированной индивидуальной, групповой и национальной идентичности.

На уровне элитных групп и институтов, в рамках которых эти группы взаимодействуют в ходе принятия решений, идейные предпочтения и идеологические оценки вытесняются выбором в пользу тех или иных прагматических интересов. В то же время в массовых группах процессы артикуляции интересов идут медленно и болезненно, преодолевая одномерные установки ценностно мотивированной идентичности. Российский социум продолжает пребывать в состоянии глубокого внутреннего конфликта между

«элитными» и массовыми слоями, между «включенными» в сетевые структуры информационного общества и «остальными».

Разрыв между культурным потенциалом населения и темпами развития «культуры участия», между слабостью консенсусных установок в массовом сознании и императивом привлечения как можно более широкого круга заинтересованных сил к реализации социально ориентированной стратегии развития страны обуславливает противоречивость тенденций социокультурной динамики нашего общества. В отечественной истории такие противоречия уже не раз решались путем использования мобилизационной модели развития. Однако оптимальные параметры участия государства в становлении информационного диалога между представителями различных слоев общества в России остаются неопределенными.

Формируясь на стыке модернистской и традиционалистской ориентаций, вектор российского социокультурного диалога пролегает в системе координат глобализации и поиска своего места в миропорядке. Национальные интересы отождествляются с государственными, а последние нередко подменяются интересами стоящих у власти элитных групп. Высокий уровень социальной разобщенности препятству-

ет накоплению культурных ресурсов модернизации. Параметры социокультурной динамики задает диалогическое взаимодействие не устоявшихся культурных моделей и социального опыта трансформирующегося социума, разобщенного по различным направлениям.

Таким образом, современная российская культура осознает себя как множество радикально различных форм миропонимания, и различия эти не исчерпываются принадлежностью человека к той или иной национально-этнической или социальной группе. Простая осведомленность об инокультурных ценностях, не включенная в собственный опыт и ценностный мир личности, зачастую оказывается употребленной «во зло». Способы и формы миропонимания, язык, верования, нравственные установки, мотивации поступков — константы, определяющие культурную идентичность человека, нередко осваиваются в социально неприемлемых формах. И здесь альтернатива одна — организация паритетного диалога культур, в котором достигается взаимопонимание представителей различных цивилизаций в условиях реального равноправия участников данного диалога и признания ценностей Другого в контексте сохранения собственных.